

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ В ФОЛЬКЛОРЕ АЛТАЙЦЕВ

НАДЕЖДА РОМАНОВНА ОЙНОТКИНОВА

(Институт филологии Сибирского отделения РАН:

Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8)

***Аннотация.** В статье рассматриваются эсхатологические представления алтайцев в контексте истории развития их религиозных взглядов. Автор, опираясь на принятые в исторической науке точки зрения, предполагает, что мифы о кончине мира проникали в прошлом к алтайцам в результате длительных культурно-исторических контактов с разными народами, распространявшимися манихейство, несторианство, буддизм и православие. По содержанию алтайские эсхатологические повествования схожи с рассказами и духовными стихами о кончине мира у русских. Общее в них обнаруживается в выражении ветхозаветных христианских догм. Их сближает также особая метафорика языка: в них присутствуют схожие иносказания. Специфика алтайских эсхатологических текстов заключается в синтезе понятий и идей исконного шаманизма, христианства и буддизма, что было характерно для древнего манихейства. Эти произведения обладают особой жанровой способностью актуализироваться в тех ситуациях, когда перед обществом ставились серьезные вопросы, от решения которых зависело его будущее. Об этом свидетельствуют рассказы бурханистов в начале XX в., ожидавших пришествия мессии Ойрот-хана, который спасет свой черно-головый народ и уведет за собой в новую страну.*

***Ключевые слова:** эсхатология, эсхатологические представления алтайцев, мифы алтайцев, христианизация алтайцев, конец света.*

В фольклоре алтайцев и других современных центральноазиатских народов обнаруживаются легенды и рассказы о потопе, о сотворении Богом первых людей, Вавилонской башне, конце света и т. д. На огромную территорию Центральной Азии рассказы, связанные с христианской религией, проникали в разное время в результате культурных контактов, а распространение их в устной форме способствовало расширению ареала бытования.

Текстов о предстоящем конце мира у алтайцев зафиксировано немного. В книге В. В. Радлова опубликовано два текста: «Tälänät kizilärdin sözübilä (По слову теленгитов)», «Altaï kizilärdin sözübilä

(По слову алтайцев)» [Образцы 1866, 167–170]. Как известно, в его книгу вошли материалы, собранные миссионером В. И. Вербицким совместно с алтайским миссионером, переводчиком В. П. Чевалковым. В сборнике «Алтай кепкуучындар» (Алтайские предания) [АКК] издано еще пять текстов. Достоверность этих текстов не вызывает сомнений, поскольку все они содержат паспортные данные с указанием рассказчиков.

Христианские легенды рассказывали пожилые люди, хорошо знавшие традиции и фольклор алтайцев. Одним из рассказчиков был известный сказитель, прорицатель Алексей Григорьевич Калкин

(1925–1998), в 1987 г. от него был записан текст «Калганчы чак» (Последний век) [АКК, 342–344]. Сказитель жил в с. Паспарты Улаганского р-на, где вплоть до 1930-х гг. существовали монастыри и церкви. Пожилые теленгиты до сих пор вспоминают разные истории, связанные с их крещением, со строительством церквей. Автор другого текста, алтаец из рода майман Боор, согласно преданиям, был в плену у китайцев, хорошо знал китайский и монгольский языки, общался с ламами, устраивал коллективные моления и рассказывал о кончине мира [НПА, 350–361]. В настоящее время этот жанр почти угас, по крайней мере, об этом свидетельствуют наши экспедиции в разные районы Республики Алтай, проведенные в последние десять лет. Цель данной статьи — выявить основные темы эсхатологических текстов у алтайцев, а также рассмотреть исторический контекст, в котором могли появиться эти повествования.

В историко-этнографической науке отмечается, что идеи христианства впервые распространились в Центральной Азии с манихейством, а затем и с несторианством. О бытовании манихейства в Южной Сибири свидетельствуют археологические памятники на территории Хакасии и Алтая [Кызласов 1999; 2000; 2004; 2004a]. Л. Р. Кызласов считает, что сибирское манихейство есть прямое порождение манихейства центральноазиатского. Но если последнее было «облачено в буддийские одеяния», то на северное манихейство оказался «накинут еще и шаманский плащ» [Кызласов 1999, 30]. Исследователь отмечает, что остатки угасающего манихейства сохранились до современности у саяно-алтайских тюрков (алтайцев, хакасов, тувинцев, тофов и др.), а также обитающих на Оби и Енисее хантов, селькупов, кетов и эвенков [Там же, 30].

По поводу распространения несторианства в Центральную Азию С. Г. Кляшторный писал, что Центральная Азия, в первую очередь районы современной Монголии, была объектом как непосредственной миссионерской деятельности несториан с Запада, ибо Средняя Азия, Иран, Ближний Восток вели свою торговлю с этими районами, так и, возможно, объектом воздействия со стороны несториан из Китая. И здесь несторианство не добилось полного успеха,

но «к середине IX века или несколько ранее среди кыргызской аристократии, а затем и среди более широких слоев получил известное распространение несторианский толк христианства, который, однако, не вытеснил местных шаманских культов» [Кляшторный 1959, 167].

Интенсивная христианизация народов Сибири, в том числе и алтайцев, происходила в конце XIX в. В период деятельности Алтайской духовной миссии на алтайский язык были переведены значительная часть Священного Писания, некоторые псалмы, заповеди, молитвы и пр. В некоторых случаях, как отмечают ученые, эти идеи внедрялись в чужие культуры через проведение аналогий, сравнений с образами и мифологемами, существующими в их языческой культуре.

Существующие в фольклоре алтайцев эсхатологические повествования о предстоящем конце мира построены силлабическим аллитерационным стихом, характерным для тюркского стихосложения. Из-за своей стихотворной формы эти произведения напоминают русские духовные стихи, но по содержанию они близки к эсхатологическим рассказам. Своеобразием этих текстов является то, что они не содержат никаких сюжетов, их содержание сводится к некоторому количеству тем и мотивов.

Эсхатологические тексты являлись предметом исследования российских фольклористов Д. В. Громова, М. В. Ахметовой, Д. И. Антонова, И. А. Бессонова [Громов 2003; Ахметова 2004; Антонов 2013; Бессонов 2010; 2014]. Для сравнения алтайского и русского фольклорного материала мы опираемся на некоторые понятия и термины, использованные в работе И. А. Бессонова [2014]. В русской эсхатологической прозе исследователем выделены четыре основные темы: «Эсхатологическая эпоха», «Эсхатологическая катастрофа», «Антихрист» («Пришествие дьявола») и «Страшный Суд». В анализируемых алтайских текстах нами выявлены следующие четыре темы: «Эсхатологическая эпоха», «Эсхатологическая война», «Эсхатологическая катастрофа», «Борьба с дьяволом и спасение человечества мессией». Итак, рассмотрим алтайский материал.

1. Тема «Эсхатологическая эпоха». Перед апокалиптическими бедствиями

происходит технический прогресс, человечество живет в высокоцивилизованном обществе. Общая картина конца света состоит из некоторых устойчивых метафорических образов техногенного мира: небо и земля станут железными, по небу станут летать железные птицы, по земле будут бегать железные быки, люди будут жить в домах с углами и общаться между собой по проволоке: «*Калџанчы чак кӕлӕрдӕ, тӕнӕри тӕмӕр полын калар, јӕр јӕс полын калар...*» (Когда последний век наступит, небо станет железным, земля станет медной...)» [Образцы 1866, 167]. Образ железного мира присутствуют и в другом тексте: «*Јер јӕстӕле темир јӕгӕрер, / Тенери тӕбиле темир учар...*» (По земле железо будет бегать, / По дну неба железо будет летать...)» [АКК, 339]. Повторяющийся в алтайских текстах мотив железной (медной) земли и неба характерен и для русских эсхатологических повествований [Антонов 2013, 50; Бессонов 2014, 177].

Для выражения эсхатологических представлений в исследуемых текстах также используются образы из других сфер мифологии алтайцев, в частности, демонологический образ синего быка, хтонического существа, а также образ мифической птицы Кан-Кереде (Гаруди) из буддийской мифологии: «*Айыл ортодо тыныжы јок кӕк бука огурып, мантап турар, / Кӕк тенгистин кӕк буказы огурып келер*» (Среди юрт синий бык без дыхания, ревя, будет бегать, / По синему океану синий бык, ревя, придет)» [АКК, 342]. Образ синего быка возле дома выступает в качестве метафоры современного автомобиля, а синего быка в океане или море — корабля. Это свидетельствует о том, что эсхатология существует в сознании представителей данной культуры не изолированно, а во взаимосвязи с другими мифологическими представлениями и образами. К этим ярким образам присоединяются черные дома без души (*тыны јок кара тура*), олицетворяющие водный транспорт, современные корабли, а также железные кони без дыхания (*тыныжы јок темир аттар*), обозначающие наземный транспорт. Зооморфные образы железных коней, птиц, обозначающих современный транспорт, являются типичными метафорами не только в алтайских текстах, но и в славянских [Бессонов 2014,

145]. В этом высокоразвитом обществе общение между людьми осуществляется по «конскому волосу» (*аттын кылыла*) или по «тонкой паутине» (*јӕргӕмӕштин уусыла*). С конским волосом ассоциируется телефон, а с паутиной — компьютер и Интернет. В русских эсхатологических рассказах с образом паутины отождествляются разные технические нововведения сменяющихся эпох: сначала железные дороги и телеграф, позже компьютер и Интернет [Там же, 138–143].

В этот период времени народом правит русский царь Темир-Чагаан-каан (букв.: Железный-Белый-хан). Поскольку в алтайской мифологии семантика эпитета *темир* (железный) связана с миром техники, нечистой силы, то этот «хан» представляется личностью, управляющей техногенным, железным миром.

«*Тосток сары арба бӕдер, ичип турза, коолы јок болор. / Алты пуд арбаны алты кӕнге јушерер. / Темир-Чагаан эткен ажында 17 јӕзӕн аш болор. / Ол ашта картап деп курсакты / Карын јакшы курсак деп јип отураар. / Азыраган 400 малында карыши сӕбмдӕ какай деп мал болор. / Карын јакшы мал деп азырап отураар...*» (Выпуклый желтый ячмень вырастет, будете есть, вкуса не будет. / Шесть пудов ячменя за шесть дней есть будете. / У Темир-Чагана 17 разновидностей пищи будет. / Среди этой пищи картошку, / Самой хорошей пищей считая, есть будете. / Среди выращиваемых 400 видов животных свинья будет величиной с пядь, / Очень хорошим скотом считая, выращивать будете...)» [АКК, 342].

Во время его правления все люди, их имущество и скот будут у него на счету: *чотко тартар каан болор* (царь счет вести будет). Признаком эсхатологического времени в период его правления будет расцвет торговли. При наличии большого количества разнообразного товара не будет того качества, которое удовлетворяло бы желания и потребности человека.

Социальное деление людей на бедных и богатых будет очень заметно, привычный уклад нарушится, люди будут злоупотреблять алкоголем, в результате чего появятся больные; из-за истощения запасов природные ресурсы будут находиться под контролем государства; в обращении будет денежные купюры с изображением

крота: «Кара момон акча болор, / Боро момон акча болор (С черным кротом деньги будут, / С серым кротом деньги будут)» [Там же]. Бумажные деньги с кротом напоминают нам президентов Соединенных Штатов на купюрах американского доллара. Этот факт свидетельствует об уникальности пророчества А.Г. Калкина. Запись от него была сделана в 1987 г., в то время, когда в нашей стране «перестройка» на рыночную экономику только начиналась.

В алтайских стихах утверждается, что, когда будет существовать материальный достаток, человек будет сыт и обеспечен, в обществе воцарятся антиценности. Мотив утраты ценности золота, столь распространенный в эсхатологических рассказах русских, присутствует и в алтайских: «Ат пажынча алтын / Аякту ашка турбас, / Аяк алдынаң алтын чыбар, / Аны алар кижі жок полор (Золото с конскую голову / Чашки зерна не будет стоить, / Под ногами золото будет валяться, / Его взять — человека не найдется)» [Образцы 1866, 167].

Образ обесцененного золота величиной с конскую голову встречается и в предании «Золотое озеро» («Алтын-Кель»), по сути эсхатологическом: один человек в голодное время в горах Алтая нашел самородок золота, хотел его обменять на чашку зерна, но все отказывались, тогда ему пришлось выбросить его в озеро, и с тех пор озеро называют Алтын-Кель. Первые русские переселенцы по названию племени, проживавшему по берегам этого озера, назвали его Телецким. Этот эсхатологический мотив звучит и в алтайской пословице: «Ат бажынча алтын болгончо, / Аякча арба болзын (Чем золото с конскую голову будет, / Лучше пусть ячмень с чашку будет)» [АПП, 220–221].

Сравнение поведения людей с червями показывает ничтожность их нравственности: «Көлдө канча кире курт өскөн, / Андый улус болор. / Ээрен курт болуп эдин жишип, / Кара курт болуп канын ичишип, / Бой-бойына кыйгастажып, / Кыжырантыжып жүрер ой болор. / Бу туужында боро-чоокыр чернилала / Ак чазызынга бичиген бичик бар болор. / Ол бичикти кычырган кижі улуска кыйгастанбай, / Улус башкар жүрер кижі бол жүрер учурлу (Сколько червей в озере появилось — / Столько народу будет. / Как земляные

черви, мясо друг друга поедать, / Как черные черви, кровь друг друга выпивать, / Друг с другом не ладить, / Друг с другом вздорить время придет. / В то время серопестрыми чернилами / По белой бумаге написанная книга будет. / Человек, прочитавший ту книгу, с людьми поладив, / Людьми управляющим должен стать)» [НПА, 138–139]. В людях проявляются отрицательные качества: они эксплуатируют друг друга (канын ичишип (кровь друг друга выпивать), недолюбливают друг друга (кыжырантыжып жүрер (друг с другом не ладить)), но их поступки регулируются «книгой, написанной серопестрыми чернилами» (видимо, она олицетворяет конституцию страны).

Поколение людей, живущих в это «чуждое» время, названо кал үйе (поколение жестоких): «Кайа көрушпес кал үйе болор. / Эр жанында эки мылтык турар, / Агалу-ийиндү адыжар. / Эпиши жанында эки күн турар, / Эжелү-сыйынду блаажар (Не оглядывающееся назад поколение будет. / На мужской стороне ружья <наготове> будут стоять, / Брат с братом друг в друга будут стрелять, / На женской половине два солнца будет, / Сестра с сестрой друг у друга будут отбирать)» [АКК, 339]. Эта фраза напоминает нам библейский афоризм: «Предаст же брат брата на смерть, и отец — сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их» (Мф. 10: 21). Здесь налицо и несоблюдение основной библейской заповеди: «Возлюби ближнего своего».

Еще одним характерным признаком такого времени является нарушение нравственных устоев семьи, несоблюдение народных обычаев и традиций. Так, в выражении «Кайын-келин билишпес, кал улус болор (Не знающими родства, дерзкими людьми будут)» речь идет об обычае избегания свекра, что строго регулировало в алтайском обществе отношения между женщиной и мужчиной, старшим и младшим. Младшие перестанут уважать старших: «Аба палазын таныбас, / Пала абазын таныбас, / Пабыр паика чыбар (Отец свое дите не признает, / Дите своего отца не признает, / Крича на него, на голову сядет)» [Образцы 1866, 167].

Техногенному буму предшествуют заметные катаклизмы в природе, которые приведут к изменению климатических условий жизни на земле: «Јас — јас болбос, /

Кыжы — кыш болбос, / Күзи — күс болбос. / Андый ой, күн слерге келижер — / Оны үзе көрөрөр! (Весна не будет весной, / Зима не будет зимой, / Осень не будет осенью. / Такое время, <такие> дни вам достанутся — / Всё это увидите!)» [НПА, 134–135].

По предсказаниям, в будущем произойдут наводнения и засухи; там, где были озера, останется один песок, земля перестанет быть плодородной, станет железной. В результате катастрофической ситуации высохнут леса, погибнет растительность, а насекомые (типа саранчи) будут поедать растения. Наряду с темой уничтожения природы в этих текстах проходит мотив физической деградации человечества: «*Кадын суузы кабынаг жайлап, тескери агар, / Кара жыштын турган јерине кара тал деп тал өзөр. / Боро үйе деп үйе болор, / Өкпө-јүрегинен оору улус болор, / Боро тал деп тал өзөр, / Јыгыл калза, ортозынаг өдүп болбос. / Азыл јаан көл турган болзо, онын түби јер болор* (Воды Кадына, выйдя из берегов, вспять потекут, / На месте густого черного леса черные ивы вырастут. / Поколение чахлым (букв.: серым. — Н. О.) будет, / С большими легкими-сердцем народ будет, / Чахлые ивы расти будут, / Если повалятся — между ними не пройти будет. / Там, где прежде большое озеро было, пустая земля будет)» [Там же, 138–139].

Старый эсхатологический текст актуализировался в 1980-е гг., когда в Республике Алтай обсуждалось строительство ГЭС. Люди опасались серьезной экологической катастрофы и требовали от властей принятия правильного решения.

2. Тема «Эсхатологическая война». Апокалипсическая тема будущей войны связана с образами девяти всадников, появляющихся перед самой катастрофой и развязывающих мировую войну: «*Тәңіс түбүндө тобус јәрдаң үзүләр, / тобус јәрдаң үзүлә, / тобус курчулу кайрчак чыбар, / тобус тәйір аттү кижі анаң чыбар. / Аның әкүзү пашчы полор... / алдындагы колдоры кылыштү полор, / арт куирубү үйдүлү полор, / аҗашка табарза аҗашты әндәр, тындүба табәрза тындүдү әндәр. / Албатты јонбо амыр јок полор, / Айза, күнжә јаркын јок полор, / Аҗаш тазылынаң кодорылар. / Адазы палазынаң айрылар, / өлөң үзүлөр, / үрөңү түбөнөр. / Әнә әркәзинәң айрылар, / әрј јок калар* (Дно Мирового океана на девять частей разобьется, / Когда на девять частей разобьется, / Оттуда ящик с девятью

замками выйдет, / Из него девять всадников на железных конях выйдут. / Двое из них правители будут... / В руках у них мечи будут, / Сзади с саблями будут, / Дерево попадется — деревья порубят, / Живое существо попадется — его искалечат. / Народам-племенам покоя не будет, / От луны, солнца света не будет, / Деревья с корнями упадут, / Отцы без детей своих останутся, / Трава перестанет расти, / Семена иссякнут. / Матери без ласковых детей останутся, / Без мужей останутся)» [Образцы 1866, 167–169].

Данный эпизод можно сравнить с образами четырех всадников в Апокалипсисе: «И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир в земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч» (Откровение 6: 4). Сходство образов всадников с мечами в алтайском тексте и в библейском повествовании позволяет нам предположить, что в основе первого лежит библейская история. Образы четырех всадников присутствуют и в русских эсхатологических рассказах [Бессонов 2014, 150].

В одном из алтайских текстов библейский эпизод с четырьмя всадниками заменен мифологическими образами из шаманского и буддийского фольклора: изпод земли выходят «богатыри» дьявола.

3. Тема «Эсхатологическая катастрофа». И. А. Бессонов пишет, что в православной церковной традиции уничтожение существующего мира обычно понимается как начало Страшного Суда. В русском фольклоре вселенская катастрофа также может мыслиться как предшествующая Страшному Суду, но гораздо чаще она выступает его альтернативой [Там же, 264]. Эта идея выражена и в алтайских текстах. Во время войны будет пролито много крови, так что реки с кровью потекут, начнется вселенский пожар. Согласно апокалипсической идее, он должен очистить мир от грешников: «*Калык јон пузулар, / кара курт канат табынар, / кара көзүнө кан чабылар, / кара су канбыла аҗар...* (Народы-государства разрушатся, / У черного червя крылья окрепнут, / Его черные глаза кровью нальются, / Чистые реки с кровью потекут...)» [Образцы 1866, 168].

В алтайских текстах слово-понятие «трех» не выражено, но оно раскрывается в тех эпизодах, где описана человеческая безнравственность: «*Калганчы јүрүм,*

калганчы үйе ол болор. / Учы-түби барала, бу албаты неге де кереги жок, / Кал үйе болуп барган кийинде, / Тегеринег изү сангытла жанмыр жаар, / Јердинг үсти көрнөө болуп күйе берер, / Агын јаткан суунг, агын јада соолып калар, / Айланып јаткан тенгизин бортылдап кайнаар. / Онон арткан неме — артар, / Артпаган неме — артпас (Это последний век, последнее поколение будет. / В конце концов, этот народ вовсе никчемным станет, / Когда поколение дерзких придет, / С неба кипящая сера дождем полетит, / Поверхность земли пламенем загорится, / Текущие реки на месте начнут испаряться, / Океан, окружающий землю, клокоча, закипит. / Что останется после этого — то и останется, / Что не останется — то не останется)» [НПА, 136–137].

Мотивы отсутствия воды и пищи в последние времена отмечены и в русских текстах. Помимо представления об отсутствии воды в традиционных источниках содержится другая идея — вода претерпит трансформации и станет непригодной для питья [Бессонов 2014, 155].

Упоминание в приведенном отрывке кипящей серы, льющейся с неба в виде дождя, напоминает ветхозаветный эпизод, в котором Моисей обращается к своему народу (Втор. 29, 22–24). После такой ужасной катастрофы человеку конечно же не избежать физического уродства.

В алтайской и русской картинах мира человек после вселенского пожара становится ростом с пядь. Мотив «умаления» человека также восходит к библейскому: «Рассуди же ты: вы теперь меньше станом, нежели те, которые были прежде вас; и те, которые после вас родятся, будут еще меньше вас, так как творения уже состаривающиеся, и крепость юноши уже миновала» (3 Езд. 5, 54–55).

4. Тема «Борьба с дьяволом и спасение человечества мессией». Данная тема у алтайцев также развивается на основе персонажей традиционной мифологии. В алтайской традиции с антихристом (противником Христа, впервые появившимся в новозаветных Посланиях апостолов) отождествляется божество подземного мира — Эрлик из шаманской мифологии. Отмечается, что после того, как богатыри Эрлика, Караш и Керей, выйдут на поверхность земли и против них начнут войну богатыри Ульгена, Мангды-Шире и Май-Тере, наступит новая жизнь.

Ульген — божество Верхнего мира. Май-Тере и Мангды-Шире — имена буддийских бодхисатв, мессий будущего Майтрейи и Манджушри в алтайской огласовке. Этот эпизод напоминает мотив о четырех всадниках, который мы рассматривали выше.

Если в буддизме спасение и возрождение человечества связывалось с грядущим пришествием Будды Будущего — бодхисатвы Майтрейи, то в христианстве — с приходом Иисуса Христа, предстоящего в лице Спасителя всего человечества, который в определенный момент истории вмешивается в ее течение для наказания грешников и воздаяния праведникам. В анализируемых текстах Иисус Христос не упоминается, встречается имя Кудай, являющееся древним иранским заимствованием, что свидетельствует об адаптации этих произведений к алтайскому языку.

Мотив борьбы с антихристом в русском фольклоре также присутствует. Так, в одном из рассказов отмечается, что с дьяволом сражается Илья-пророк [Бессонов 2014, 297].

Эсхатологические повествования были особенно актуальными во время национально-религиозного движения алтайцев-бурханистов в начале XX в. Л. И. Шерстова, анализируя эсхатологию раннего бурханизма, приводит полевые записи рассказов. С ее точки зрения, внедрявшийся в джунгарское время ламаистский пласт растворился в традиционных представлениях алтайцев, синкретизировался с ними и какое-то время не выделялся среди них. Но бурханистское движение привело к его «всплыванию» [Шерстова 2013, 184]. По ее мнению, внешним же фактором, активизировавшим настроения алтайцев-бурханистов, были миссионерские проповеди, в которых также упоминались грехи, Страшный Суд, приход мессии. «Не желая того, миссионеры спровоцировали интерес алтайцев к своим традиционным представлениям, которые не выделялись из общей религиозно-мифологической картины, но имели аналогии в христианстве, выдвинув их на первый план. При этом в их глазах бурханизм “уравнивался” с христианством, а алтайцы, перестав быть шаманистами, получили свою монотеистическую религию» [Там же]. В то время находившимся на перепутье алтайцам «старый» джунгарский ламаизм был гораздо ближе

и понятнее, чем «новая» русская православная вера, поскольку «буддийские мотивы и атрибуты, проникшие на Алтай в XVII—XVIII вв., растворившись в местных культах, не только не исчезли, но закрепились в сознании алтай-кижи как важнейший компонент их новой религии» [Шерстова 2012, 245].

Эсхатологические настроения у алтайцев-бурханитов в то время усилились в ожидании мессии в лице Ойрот-хана, который якобы обещал вернуться и возродить былое могущество джунгарского ханства и его подданных. Устраиваемые моления бурханитов должны были объединить алтайцев для самоопределения этноса перед насаждаемой православной религией: «*Коркушту јаан жуу болор. / Жуу болзо, Ойрот-Каан / Кайыш курлу кара албатызын / Баишкалап бойына алар. / Кара чачту калыгын / Төбөзінде төрт чачынан танып, / Кара көстү калыгын, / Кирбигинен танып алар / Ойнодо апарар* (Большая война будет. / Когда начнется война, Ойрот-Каан свой черный народ, носящий черные кожаные пояса, / Отделив, к себе заберет. / Свой черноволосый народ / По четырем косичкам на темени узнав, / Свой черноглазый народ / По ресницам узнав, / К себе уведет)» [АКК, 343–344].

Мессианская роль Ойрот-хана подробно описана в исторических преданиях о джунгарском периоде, а также в песнопениях бурханитов.

Таким образом, анализ материала показал, что эсхатологические представления алтайцев сформировались на основе христианства и буддизма с элементами своей — языческой, шаманской — религиозной традиции. Эсхатологические мотивы могли проникать к сибирским тюркам вместе с древним манихейством, несторианством и буддизмом. Последняя волна распространения идей о конце света приходится на вторую половину XIX в., когда происходила христианизация алтайцев Русской православной церковью. Особенно ярко эсхатологические взгляды проявились среди алтайцев в начале XX в., в период национально-религиозного движения бурханизма.

В алтайских и русских эсхатологических повествованиях обнаруживаются общие темы и мотивы. В алтайских текстах нами выявлены следующие четыре темы: «Эсхатологическая эпоха», «Эсхатологическая война», «Эсхатологическая катастрофа», «Борьба с дьяволом и спасение человечества мессией». Алтайские и русские эсхатологические повествования сближает язык: в них присутствуют схожие поэтические образы и метафорические наименования. При освоении русской эсхатологии происходила адаптация некоторых элементов чужой культуры к своим исконным религиозным верованиям, культурным ценностям и традициям.

Литература

АКК — Алтай кеп-куучындар (Алтайские предания) // Сост. И. Б. Шинжин, Е. Е. Ямаева. Горно-Алтайск, 1994. На алт. яз.

Антонов 2013 — Антонов Д. И. Из «народной Библии» сел Самойловка и Залесянка // Живая старина. 2013. № 4. С. 48–51.

АПП — Алтайские пословицы и поговорки / Сост. Н. Р. Ойноткинова. Новосибирск, 2010.

Ахметова 2004 — Ахметова М. В. Эсхатологические мотивы современной мифологии в России конца XX — начала XXI вв.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.

Бессонов 2012 — Бессонов И. А. Образ чудовищных птиц в эсхатологических рассказах // Живая старина. 2012. № 1. С. 4–7.

Бессонов 2014 — Бессонов И. А. Русская народная эсхатология: история и современность. М., 2014.

Громов 2003 — Громов Д. В. Фольклорные тексты о «ранешней» Библии // Живая старина. 2003. № 1. С. 42–44.

Кляшторный 1959 — Кляшторный С. Г. Историко-культурное значение Суджинской надписи // Проблемы востоковедения. 1959. № 5. С. 162–169.

Кызласов 2004 — Кызласов И. Л. Манихейские монастыри на Горном Алтае // Древности Востока / Отв. ред. И. Л. Кызласов. М., 2004. С. 127–128.

Кызласов 2004а — Кызласов И. Л. Культурные взаимосвязи тюрков и иранцев в VI—XIII вв. (язык, письменность, религия) // Этнографическое обозрение. 2004. № 6. С. 3–13.

Кызласов 1999 — Кызласов Л. Р. Открытие государственной религии древних хакасов. Мани и манихейство // Труды Хакасской археологической экспедиции. М.; Абакан, 1999. Вып. 6. С. 10–41.

Кызласов 2000 — *Кызласов Л. Р.* Северное манихейство и его роль в культурное развитие народов Сибири и Центральной Азии // Древности Алтая. 2000. № 5. URL: <http://e-lib.gasu.ru/da/archive/2000/05/10.html> (дата обращения: 03.02.2016).

НПА — Несказочная проза алтайцев / Сост. Н. Р. Ойноткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск, 2011. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 30).

Образцы 1866 — Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи, собранные

В. В. Радловым. Ч. 1: Поднаречия Алтая. СПб., 1866.

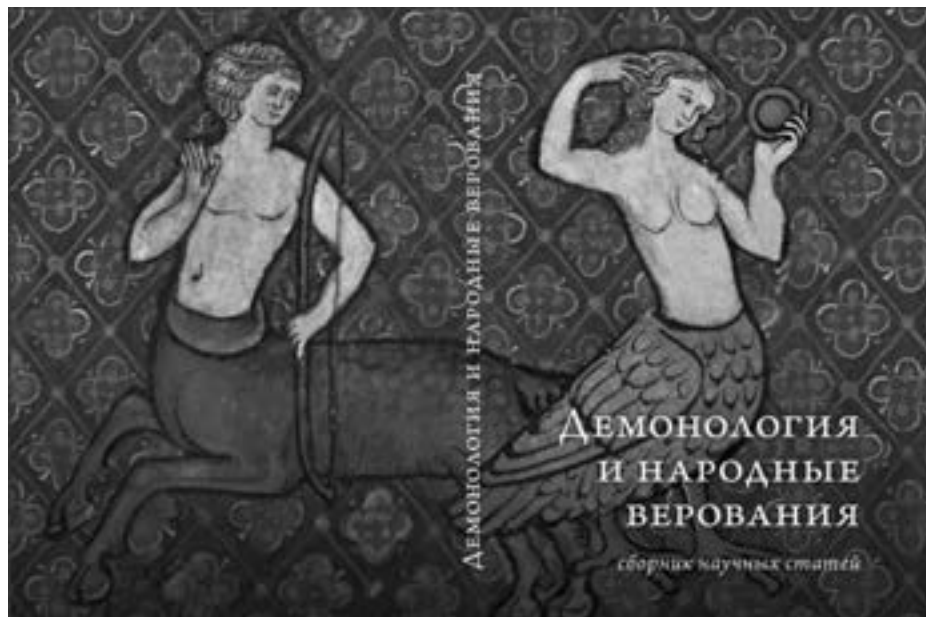
Шерстова 2013 — *Шерстова Л. И.* Эсхатология раннего бурханизма: из опыта реконструкции традиционного этнического самосознания // Вестник Томского гос. университета. Сер. «История». 2013. № 3 (23). С. 181–185.

Шерстова 2012 — *Шерстова Л. И.* Горный Алтай в XVI—XX вв.: джунгарское этнокультурное наследие // История и культура средневековых народов степной Евразии: Матер. II Междунар. конгресса средневековой археологии Евразийских степей. Барнаул, 2012. С. 238–245.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения РАН: Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8; тел.: + 7 (383) 330-14-52; e-mail: n.oynotkinova@gmail.com

В Государственном центре русского фольклора Центра культурных стратегий и проектного управления (РОСКУЛЬТПРОЕКТ) МК РФ вышел сборник научных статей «Демонология и народные верования» (сост. А. Б. Ипполитова). На страницах издания рассматриваются представления о демонологических персонажах в культуре разных европейских народов от античности до наших дней, особенности функционирования мифологических систем в условиях этнокультурного пограничья, различные аспекты бытования народных верований (поверья о кладах, магических растениях и др.), интерпретация мифологических образов в художественной литературе и народном искусстве. В специальном разделе публикуются указатели и полевые материалы по демонологии. Среди авторов сборника — ученые из Белоруссии, Латвии, Испании, из разных регионов России (Москва, Тверь, Санкт-Петербург, Петрозаводск, Архангельск, Сыктывкар, Пермь, Чебоксары, Йошкар-Ола). Издание предназначено специалистам в области фольклора и народной культуры, а также широкому кругу читателей.

ESCHALOGICAL NARRATIVES IN FOLKLORE OF ALTAIANS

NADEZHDA OYNOTKINOVA

(Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences: 8, Nikolaeva str.,
Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

Summary. *Eschalogical views of Altaians in the context of their religious convictions' development are considered in the paper. Basing on the viewpoints accepted in historical scholarship, the author suggests that Eshacton myths connected with Christianity came to Altaians in the past as a result of their long-time cultural-historical contacts with various peoples preaching Nestorianism, Manichaeism and, later, Orthodoxy. As regards their contents, Altaian eschatological narratives are similar with Russian Eschaton stories and spiritual verses. Features, common between Altaian and Russian texts, are found in the expression of the Old Testament Christian dogmata. Special metaphorism also makes them closer: both of them contain similar allegories. The specificity of Altaian eschatological texts consists in the synthesis of concepts and ideas of the original Shamanism, Christianity and Buddhism, which was characteristic for ancient Manichaeism. Eschatological views could make use of both Christian bookishness and oral tradition being widely performed among newcomers. These items possess special genre mobility being actualized in the situations when serious issues were set to the public, on solving which future of the community depended. At the beginning of the 20th century it was evidenced by the tales performed by Burkhanists, which expected coming of Oiro-t-khan's mission that will save his black-headed people and guide them to a new country.*

Key words: *Eschatology, Altaian eschatological views, Altaian myths, Altaian Christianization, end of the world (Eschaton).*

References

- Antonov D. I.** (2013) Iz "narodnoy Biblii" sel Samoylovka i Zalesyanka [From Folk Bible of Samoylovka and Zalesyanka the villages]. *Zhivaya starina* [Alive Antiquity]. 2013. No. 4. Pp. 48–51. In Russian.
- Akhmetova M. V.** (2004) Eskhatologicheskie motivy sovremennoy mifologii v Rossii kontsa XX — nachala XXI vv. [Eschaton Motives in Contemporary Mythology of Russia in the End of the 20th — Beginning of the 21st Centuries]. PhD Thesis (Philology). Moscow. In Russian.
- Bessonov I. A.** (2012) Obraz chudovishchnykh ptits v eskhatologicheskikh rasskazakh [Image of Monstrous Birds in Eschaton Narratives]. *Zhivaya starina* [Alive Antiquity]. 2012. No. 1. Pp. 4–7. In Russian.
- Bessonov I. A.** (2014) Russkaya narodnaya eskhatologiya: istoriya i sovremennost' [Russian Folk Eschatology: History and Nowadays]. Moscow. In Russian.
- Gromov D. V.** (2003) Fol'klornye teksty o "raneshney" Biblii [Folklore Texts about the "Heretofore" Bible]. *Zhivaya starina* [Alive antiquity]. 2003. No. 1. Pp. 42–44. In Russian.
- Klyashtornyy S. G.** (1959) Istoriko-kul'turnoe znachenie Sudzhinskoy nadpisi [Historical and Cultural Significance of the Sudzhin Inscription]. *Problemy vostokovedeniya* [Problems of Oriental Studies]. 1959. No. 5. Pp. 162–169. In Russian.
- Kyzlasov I. L.** (2004) Manikheyskie monastiri na Gornom Altai [Manichean Monasteries in Mountain Altay]. *Drevnosti Vostoka* [Antiquities of the Orient]. Ed. by I. L. Kyzlasov. Moscow. Pp. 127–128. In Russian.
- Kyzlasov I. L.** (2004) Kul'turnye vzaimosvyazi tyurkov i irantsev v VI—XIII vv. (yazyk, pis'mennost', religiya) [Cultural Interconnections of Turks and Iranians in the 6th — 13th Centuries (Language, Literacy, Religion)]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2004. No. 6. Pp. 3–13. In Russian.
- Kyzlasov L. R.** (1999) Otkrytie gosudarstvennoy religii drevnikh khakasov. Mani i manikheystvo [Discovery of the State Religion of the Ancient Khakasses. Mani and Manichaeism]. *Trudy Khakasskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Khakass Archeological Expedition]. Moscow; Abakan. 1999. Issue 6. Pp. 10–41. In Russian.
- Kyzlasov L. R.** (2000) Severnoe manikheystvo i ego rol' v kul'turnoe razvitiie narodov Sibiri i Tsentral'noy Azii [Northern Manichaeism and its Role in the Cultural Development of the Peoples of Siberia and Central Asia]. *Drevnosti Altaya* [Altay Antiquities]. 2000. No. 5. URL: <http://e-lib.gasu.ru/da/archive/2000/05/10.html> (retrieved 03.02.2016). In Russian.
- Oinotkinova N. R.** (author-comp.) (2010). Altaiskie posloviy i pogovorki [Altaian Proverbs

and Sayings]. Novosibirsk. In Russian and in Altaian.

Oinotkinova N. R., Shinzhin I. B., Yadanova K. V., Yamaeva E. E. (comp.) (2011) *Neskozhnaya proza altaitsev* [Non-Fairytale Oral Prose of Altaians]. *Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Folklore monuments of the peoples of Siberia and the Far East — Series]. Novosibirsk. Vol. 30. In Russian and in Altaian Language.

Radlov V. V. (coll.; ed.) (1866) *Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v Yuzhnoy Sibiri i Dzhungarskoy stepi, sobrannye V. V. Radlovym* [Folk Literature Samples of the Turkic Tribes Residing in Southern Siberia and the Dzungarian Steppe, collected by V. V. Radlov]. Ch. 1: *Podnarechiya Altaya* [Part 1. Sub-dialects of Altay]. St. Petersburg. In Russian and in Turkic Languages of the Indigenous Peoples.

Sherstova L. I. (2012) *Gornyi Altay v XVI—XX vv.: djungarskoye etnokulturnoye nasledie* [Upper Altay in the 16th — 20th Centuries: Dzungarian Ethno-cultural Heritage]. *Istoriya i kul'tura srednevekovykh narodov stepnoy Evrazii* [History and Culture of Medieval Peoples of the Steppe Eurasia. Proceedings of the 2nd International Congress of Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes]. Barnaul. 2012. Pp. 238–245. In Russian.

Sherstova L. I. (2013) *Eskhatologiya rannego burkhanizma: iz opyta rekonstruktsii traditsionnogo etnicheskogo samosoznaniya* [Eschatology of the Early Burkhanism: Probes on Reconstruction of Traditional Ethnic Self-consciousness]. *Vestnik Tomskogo gos. Universiteta. Istoria* [Herald of the Tomsk State University. History]. 2013. No. 3 (23). Pp. 181–185. In Russian.

Shinzhin I. B., Yamaeva E. E. (comp.) (1994) *Altai-kep kuuchyndar* [Altay Legends]. Gorno-Altaysk. In Altaian language.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: n.oynotkinova@gmail.com

Tel.: + 7 (383) 330-14-52;

8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Full Professor, leading researcher, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
